

МЕСТО ИСМАИЛИТСКОЙ ПОЭЗИИ В ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматривается место исмаилитской поэзии в таджикско-персидской литературе X–XII вв. Поскольку данная тема до сих пор не стала объектом исследований специалистов-литературоведов, автор на основе источников классиков таджикско-персидской литературы и исследований отечественных и зарубежных авторов показывает значимость исмаилитской литературы и важность ее изучения.

Ключевые слова: исмаилитская литература, исмаилизм, таджикская поэзия, персидская литература, шиитская поэзия.

H. Kalandarov

The Role of Ismaili Poetry in Tajik-Persian Literature

The paper focuses on the role of Ismaili poetry in Tajik-Persian literature of X–XII centuries. This topic has not yet become a research object for literature specialists. Based on the original writings of the classics of Tajik-Persian literature and research of Tajik and foreign experts the paper demonstrates the significance of Ismaili literature and the significance of its study.

Keywords: Ismaili literature, Ismailism, Tajik poetry, Persian literature, Shi'a poetry.

В истории персидской таджикской литературы единственным распознанным и признанным течением, как обладающим особым содержанием и формой, является суфийская литература. В самом деле, это общественно-религиозное течение, найдя свой путь в литературу, внесло в образ и суть поэта свежесть, добавило в свое учение литературные приемы, порой передавая им скрытое значение.

Проблема влияния, роли и места других религиозных сект и вероучений, достигших уровня сформировавшейся школы, религиозного течения и литературного направления, на литературу еще не исследована. Ясно только то, что эта литература появилась в классический период своего развития в рамках интеллектуально-философских учений, и большинство великих поэтов персидско-таджикской литературы размышляли в рамках четырех научно-философских

течений: *философии калама* — рационалистической теологии, одного из основных направлений арабо-мусульманской философии; *коллективного рационализма* (машшо') — идей перипатетиков, последователей Аристотеля; *мистицизма* и *исмаилизма* — религиозно-философского учения, возникшего в VIII в. Создал ли исмаилизм, основывающийся на философии калама и машшо', особое литературное направление или нет, — тема нашего обсуждения.

В литературоведении персоязычных народов, особенно таджиков, до сих пор не было проведено полноценного научного исследования места и роли религиозной поэзии в литературе. Был проделан конкретный анализ суфийского, мистического материала, при этом также были исследованы аяты, т. е. отрывки из Корана, и хадисы — предания о Пророке Мухаммаде и его сподвижниках. До сих пор не изучены религиозное

содержание такой поэзии, присутствующие в ней образы Пророка, пресвятого Али, членов семьи (Пророка), святых шиитских имамов, других вождей и предводителей истинной религии ислама — ханафитов, шафеитов, маликитов, ханбалитов. И наконец, из-за того, что содержание этих произведений состояло из постоянных молений с рыданиями и вымаливанием прощения у Всевышнего за грехи, сам анализ познания сути Создателя в творчестве этих поэтов оказался отодвинутым на второй план. Следует признать, что персидско-таджикские поэты создали лучшие творения полета своей мысли именно на этой почве, поскольку их вдохновляла любовь к Богу и Его Пророку. Рассматривать исмаилитскую поэзию надо именно с этих позиций, поскольку ее суть составляет религиозное, научное и вербальное восприятие Бога, Пророка, завещанного Богом и любимого Богом. Но следует сказать, что в свете Учения, Любви и Убеждений такие представители исмаилитской поэзии выражали, с одной стороны, убедительные суждения исмаилитского течения о Вселенной и человечестве, времени и пространстве, Всевышнем и Пророке, завещанном Богом и любимом Богом, а с другой — свои мысли об этих проблемах и других вопросах созидания и божьего мира.

Выражение «шиитская поэзия» часто встречается в лексике и в исследованиях иранских ученых, однако термин «исмаилитская поэзия» является для таджикского литературоведения новым. В какой же степени «шиитская поэзия» связана с «исмаилитской поэзией»? Как распознать связи и отличия этих двух религиозных течений, где они начинаются и где кончаются? Ведь их начальное развитие и процесс расцвета настолько тесно связаны между собой, что очень сложно вообще отличить «исмаилитскую поэзию» от «шиитской поэзии». Следует учитывать и то, что «исмаилитская поэзия», уже на начальном этапе своего существования, пред-

ставленная персидско-таджикскими поэтами Кисаи Марвази (конец X — начало XI в.), Носир Хусрав (1004–1088) и др., была основана на Учении.

Из доступных материалов исследований указанный термин «исмаилитская поэзия» можно встретить в трудах советского востоковеда А. Е. Бертельса. Например, оценивая поэзию Носира Хусрава, он писал: «Этим способом (религиозного Учения. — Х. К.) “истинная” поэзия в его представлении бывает в форме исмаилитской поэзии; он положил основы такой поэзии на родном языке» [1, с. 328]. Таджикские исследователи А. Маниезов и Х. Шарифов, говоря о религиозной и нравственной поэзии Носира Хусрава, подчеркивают, что «Носир Хусрав превратил касыду в основное средство выражения религиозной мысли и, таким образом, высвободил персидскую поэзию от пут панегирии и воспевания наслаждений, разгульной жизни, алчности и жадности, дав ей новое, свежее дыхание нравственности и религиозности» [4, с. 63]. Само подчеркивание придания персидской поэзии «нового, свежего дыхания нравственности и религиозности» и есть указание на персидскую исмаилитскую поэзию. В начале этой цитаты говорится, что «до Носира Хусрава в сочинении касыд первые шаги сделал Кисаи Марвази, который и положил начало этому новому образу сочинения касыд» [4, с. 63]; и это тоже свидетельствует о том, что и Кисаи сочинял на фарси религиозные стихи, т. е. стихи религиозного характера и содержания.

Известный иранский ученый Мохаммадреза Шафии Кадкани, оценивая историю возникновения и развития исмаилитской поэзии в целом, пишет: «...исмаилитская поэзия в арабской литературе имеет более древнюю историю. Хотя определение этого смысла в отношении исмаилитской поэзии в арабском языке и трудно, тем не менее можно утверждать, что исмаилитский стих на арабском языке связан с первыми попыт-

ками и борьбой проповедников исмаилизма» [2, с. 16].

Эта мысль исследователя подтверждается первыми поэтическими сборниками Аболькасема Мохаммада, известного как Андалуси (ум. в 973 г.), Моайядоддина Ширази (ум. в 1078 г.), Султана аль-Хаттаба (ум. в 1138 г.), Мохаммада ибн Ал аль-Сури (XI в.), а также другими касыдами и молитвенными обращениями (*монаджатами*), большинство из которых было сочинено во славу халифов и имамов исмаилитского арабского государства Фатимидов (909–1171) с центром в Каире.

В этом плане будет небесполезно привести здесь высказывание современного специалиста по исмаилизму американского профессора Исмаила Пунавалы об исмаилитской литературе, в основном касающееся ее поэзии. Он пишет: «Исмаилитская литература богата в религиозно-духовном плане. Поэтические сборники Моайяда Ширази (997–1078 гг., писатель, поэт, политик и проповедник исмаилизма в Персии. — *Х. К.*) и Султана Хаттаба (ум. в 1138 г., поэт и проповедник исмаилитских идей. — *Х. К.*) являются двумя самыми выдающимися образцами среди многих тысяч образцов такого жанра. “Самт-оль-хакаик” (“Страна истины”) Али бинн Ханзалы (исмаилитский писатель, проповедник и мыслитель XI в. — *Х. К.*) является образцом исмаилитской доктрины, сформулированной в стихах. “Аль-Урджуза аль-мохтара” (“Самостоятельные короткие стихотворения”) Кази Но’мана (ум. в 1138 г., писатель, известный кадий фатимидского правительства. — *Х. К.*), содержащие 2375 бейтов, посвящены проблемам имамата. А его “Монтахабат” (“Избранное”) является поэтической формой составляющих частей ислама и мусульманских законов» [7, с. 203].

Следует обратить внимание на два аспекта, содержащихся в приведенной выше цитате и важных для нашего исследования. Во-первых, Пунавала считает «вероуче-

ние» и «духовенство» основной темой и содержанием поэзии исмаилитской литературы. Действительно, причина чрезвычайно сильного влияния на творчество поэтов-исмаилитов, пишущих на персидском языке, есть не что иное, как воспевание *духовности*, или, как говорили исмаилиты, «*сокрытого*, внутреннего» всего и основ религиозного вероучения. Второй аспект связан с упоминанием названий нескольких образцов исмаилитской поэзии, воспевающих и пропагандирующих вопросы шариата, и особенно доктрину имамата исмаилитов.

Современный иранский писатель, поэт и литературный критик Шафии Кадкани считает родоначальником персидской шиитской поэзии основоположника классической персидско-таджикской литературы Абуабдулло Рудаки (858–941): «Вероятно, начало шиитской поэзии связано с Рудаки, хотя на сегодняшний день образцы его шиитской поэзии и не сохранились» [2, с. 10]. Жаль, что исследователь такого уровня не подверг анализу оставшуюся после него религиозную поэзию Рудаки, довольствовавшись выводом, что образцы его шиитской поэзии не сохранились. Как бы то ни было, для подтверждения того факта, что Рудаки писал стихи с шиитским содержанием, Шафии Кадкани ссылается на соответствующий бейт персидско-таджикского поэта X в. Мааруфи Балхи:

«Слышал я от Рудаки, Старейшины пиитов:

“Ничьим не будь ты адептом, кроме фатимидов”».

Тем самым Кадкани подчеркивает заслугу Балхи в том, что до нас дошло это высказанное Рудаки убеждение.

Он больше знаком с образцами шиитской поэзии Кисаи, но тем не менее, апеллируя к ностальгическим чувствам персоязычных народов, связанным с утратой стихов Рудаки, вновь напоминает о произведениях Кисаи. Следует отметить, что когда Шафии

Кадкани говорит о «шиитской поэзии», то он имеет в виду ее исмаилитское содержание. Но поскольку исмаилизм сам является одним из ответвлений шиизма и источником всех философских и литературных произведений семейства Пророка, исследователь в этом плане использовал термин с более широким значением.

Алимохаммад Муаззени, один из современных иранских исследователей поэзии Рудаки, изучая проблему влияния Корана и хадисов о Пророке на его стихи, пишет: «Стихотворения, относящиеся к последним двум десятилетиям его жизни и посвященные исследованиям аскетизма, нравочужения, религиозных мыслей и убеждений, сознательно или нечаянно уничтожены» [6, с. 413]. В действительности «аскетизм и нравочужение» и «религиозные мысли и убеждения» есть не что иное, как указание на исмаилитские идеи, пропагандирующие рационализм и передачу имамата по наследству, поскольку, по признанию этого исследователя, «распространение шиитского вероучения в Мавараннахре и Хорасане (исторические области, охватывающие современные Иран, Афганистан и среднеазиатские республики. — *Х. К.*), особенно при саманидском дворе, познакомило его с вероучением шиитских исмаилитов» [6, с. 413]. Иными словами, содержание поэзии Рудаки было исключительно аскетичным и религиозным.

Кадкани, подчеркивая шиитские аспекты мысли и поэзии великого персидско-таджикского поэта и автора знаменитой эпопеи «Шахнаме» Фирдоуси, указывает на сборник «Алинаме» («Книга об Али»), составленный во второй половине пятого века хиджры (XI в. н. э.) поэтом Рабе и имеющий важное значение для шиитской поэзии. Кадкани пишет: «Пока автор настоящей статьи непосредственно не познакомился с сочинением “Алинаме”, не мог поверить в то, что во второй половине пятого века какой-либо поэт написал книгу во хвалу и

воспевание имама Али ибн Абу Талиба (первый шиитский имам и один из праведных халифов, 656–661 гг., двоюродный брат и зять Пророка Мухаммада. — *Х. К.*), да еще объемом почти в двенадцать тысяч бейтов. Достаточно только эпической поэмы “Алинаме”, чтобы с избытком компенсировать отсутствие шиитских стихов в пятом веке и показать, что шиитская литература не сводится только к поэзии Носира Хусрава» [3, с. 11].

В предисловии к изданию «Алинаме» исследователь выразил свое мнение о сочинении следующим образом: «Поэтический эпос пятого века на языке фарси во хвалу и воспевание имама Али ибн Абу Талиба, то есть примерно через полвека после издания “Шахнаме” Фирдоуси, в объеме около двенадцати тысяч бейтов в древнем стиле и редкими словами и выражениями, которые порой весьма трудно найти в словарях» [3, с. 12].

Современный иранский языковед и литературный критик Мас’уд Касеми, автор книги «Взгляд на издание “Алинаме”», в предисловии отмечает, что сборник «Алинаме» признан «древнейшим шиитским поэтическим эпосом, датированным второй половиной пятого века хиджры (XI в. н. э. — *Х. К.*)» [5, с. 3]. Он считает, что это произведение, состоящее из 12 тысяч бейтов, было написано в подражание «Шахнаме», а также убежден, что достойны похвалы те бейты, которые написаны в этом же стиле [5, с. 5]. Несомненно, персидской таджикской литературе повезло, что есть возможность исследования такого великого фундаментального произведения, которое было сочинено в подражание «Шахнаме» и дошло до нашего времени в первоизданном виде.

Напомним, что Шафии Кадкани в продолжение своей мысли, приведенной выше, упоминает и об антологии шиитской поэзии «Чунг» («Альбом стихов») и перечисляет многих поэтов этого направления, подчер-

кивая, что доступным является только сборник персидско-таджикского поэта конца XI — начала XII в. Кивами Рази. И важно то, что Кадкани называет это «присутствием сборника стихов Кивами на территориях проживания исмаилитов того века» [2, с. 11–12]. Этот случай может свидетельствовать и о том, что названные Кадкани поэты, несмотря на свою принадлежность к шиизму, в большинстве случаев в сочинениях и в изъяснении своих убеждений оказывались последователями исмаилизма. И сам Кадкани в предисловии к книге персидского поэта XIII в. Хасана Махмуда Котиба «Диване Кайемийат» («Поэмы воскрешения») подтверждает эту мысль: «Многие из поэтов четвертого, пятого и шестого веков (X–XII вв. н. э. — *Х. К.*), труды которых, очевидно, шиитского толка, в действительности могут творчески принадлежать к исмаилизму» [2, с. 14].

В своих высказываниях автор предисловия к «Диване Кайемийат» обращает внимание на следующие два аспекта проблемы: шиитский уклон работ большинства поэтов XXI в. и принадлежность их творчества к исмаилизму. Точнее, он указывает на принадлежность этих поэтов к шиизму, а их произведений — к исмаилизму. Из всего этого можно заключить, что исследователь не склонен признать персональную принадлежность того или иного поэта того времени к шиитскому исмаилизму. Однако истина состоит в том, что в сравнении с другими течениями (даже шиитским) именно исмаилитское вероучение пользовалось популярностью в обществе того периода, в среде мыслителей и последователей других учений. Продолжение анализа, проведенного автором в указанном предисловии, способствует большей прозрачности вопроса.

В «Диване Кайемийат» мы сталкиваемся с именами некоторых поэтов, элементы содержания произведений которых говорят о том, что они относятся к исмаилитской

вере. Кадкани задается вопросом, «насколько приемлемо то, что автор “Диване Кайемийат” к числу проповедников исмаилизма относит Санаи Газнави (1080–1140 гг., персидско-таджикский суфийский поэт и мыслитель. — *Х. К.*). Были ли у Санаи другие произведения, подтверждающие точку зрения автора “Диване Кайемийат” и которые были уничтожены политическими течениями? Мы не располагаем такими сведениями о Санаи, но, с другой стороны, точно знаем, что идеологические преобразования в обществе всегда ревизовали тексты и вызвали уничтожение некоторых произведений» [2, с. 15].

Нет более точного объяснения, чем то, что предложил данный автор относительно тех течений, которые ревизовали и уничтожали тексты во все периоды и времена. К этому остается только добавить, что такая чистка и уничтожение исмаилитских произведений достигли неслыханных масштабов.

Кадкани особо подчеркнул вклад и место двух видных исмаилитских поэтов — Нуха ибн Хани Андалуси (ум. в 973 г.) и Носира Хусрава в создание исмаилитской поэзии. Но не следует забывать, что традиция исмаилитской персидской поэзии продолжалась и развивалась и после Носира Хусрава.

Тем не менее следует признать правоту Кадкани, который утверждает, что исследовать такую поэзию только предстоит: «Насколько мне известно, исмаилитская поэтическая литература на персидском и арабском языках пока еще не подвергалась научному широкому изучению, и поле для такого исследования все еще пусто» [2, с. 15].

Следовательно, будущее изучение, анализ, ознакомление исследователей и читателей с исмаилитской литературой как составной частью персидской таджикской литературы позволит представить ее в совершенной, более содержательной форме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бертельс А. Е.* Насир-и Хосров и исмаилизм. М.: Восточная литература, 1959. 288 с.
2. *Кадкани М. Ш.* Каимият ва джайгахи ан дар ше’р ва адаби фарси (мокаддима) // Хасан Махмуд Катиб. Дивани Каимият. Тасхех ва мокаддимаи англиси Сейид Джалал Хосайн Бадахшани. Техран: Мираси мактуб, 1390. С. 961. (*Кадкани М. Ш.* Коимият и ее место в персидской поэзии и литературе (предисловие) // Диван Коимият, сказитель *Хасан Махмуд Катиб*. Поправка и предисл. на англ. яз. Сайид Джалол Хусайн Бадахшани. Тегеран: Мираси мактуб, 2011. С. 9–61). (на фарси).
3. *Кадкани М. Ш.* Хамасаҳои ши’и аз карни панджум // Мокаддимаи «Алинама». Техран: Мираси мактуб, 1377. (*Кадкани М. Ш.* Шиитские эпосы пятого века // Предисловие к «Алинеме». Тегеран: Мираси мактуб, 1998. С. 11–75) (на фарси).
4. *Маниёзов А., Шарифов Х.* Хаками суханвар. Душанбе: Деваштич, 2003. (*Маниёзов А., Шарифов Х.* Красноречивый мудрец. Душанбе: Деваштич, 2003). 232 с. (на тадж. яз).
5. *Косими М.* Нигахе ба ду чопи акси ва хуруфии «Алинама». –Техран: Аинаи мирас, 1390. (*Косими М.* Взгляд на издание «Алинеме». Тегеран: Оинаи мерос, 2011). 136 с. (на фарси).
6. *Моаззини А.* Таъсири Кур’они карим бар ше’ри Рудаки // Рудаки сарамади шоирони форси. Техран: Ханаи китаб, 1387. (*Муаззини А.* Влияние Святого Корана на поэзию Рудаки // Рудаки родоначальник персидских поэтов. Тегеран: Хонаи китоб, 2008. С. 411–422). (на фарси).
7. *Poonawala I. K.* Ismaili Literature in Persian and Arabic // The Encyclopaedia Iranica. Columbia University. New York. Vol. XIV, 2008. P. 197–204.

REFERENCES

1. *Bertel’s A. E.* Nasir-i Hosrov i ismailizm. M.: Vostochnaja literatura, 1959. 288 s.
2. *Kadkani M. Sh.* Kaimijat va dzhajgahi an dar she’r va adabi farsi (mokaddima) // Hasan Mahmud Katib. Divani Kaimijat. Tasheh va mokaddimai anglisi Sejid Dzhahal Hosajn Badahshani. Tehran: Mirasi maktub, 1390. S. 9–61. (*Kadkani M. Sh.* Koimijat i ee mesto v persidskoj poezii i literatury (predislovie) // Divan Koimijat, skazitel’ Hasan Mahmud Katib. Popravka i predislovie na angl. jazyke Sajid Dzhahalol Husajn Badahshani. Tegeran: Mirasi maktub, 2011. S. 9–61) (na farsi).
3. *Kadkani M. Sh.* Hamasahoi shi’i az karni pandzhum // Mokaddimai «Alinama». Tehran: Mirasi maktub, 1377. (*Kadkani M. Sh.* Shiitskie eposy pjatogo veka // Predislovie k «Aliname». Tegeran: Mirasi maktub, 1998. S. 11–75) (na farsi).
4. *Manijozov A., Sharifov H.* Hakimi suhanvar. Dushanbe: Devashtich, 2003. (*Manijozov A., Sharifov H.* Krasnorechivuj mudrets. Dushanbe: Devashtich, 2003). 232 s. (na tadzh. jaz).
5. *Kosimi M.* Nigahe ba du chopi aksi va hurufii «Alinama». –Tehran: Ainai miras, 1390. (*Kosimi M.* Vzgljad na izdanie «Aliname». Tegeran: Oinai meros, 2011). 136 s. (na farsi).
6. *Moazzini A.* Taъsiri Kur’oni karim bar she’ri Rudaki//Rudaki saramadi shoironi forsi. Tehran: Hanai kitab, 1387. (*Muazzini A.* Vlijanie Svjatogo Korana na pojezii Rudaki // Rudaki rodonachal’nik persidskih poetov. Tegeran: Honai kitob, 2008. S. 411–422) (na farsi).
7. *Poonawala I. K.* Ismaili Literature in Persian and Arabic // The Encyclopaedia Iranica. Columbia University. New York. Vol. XIV, 2008. P. 197–204.